

Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ.

они были первыми исследователями по истории Малороссии. Во всякой библиотеке, претендующей на некоторую полноту, вы найдете сочинения этих историков; но они настолько устарели, что их никто уже не читает. Труды их являлись закладами в русской историографии, каковы — то анахронизмом. Они были поны одно- временно, предмет исторія Бантышъ-Каменскаго выдержана несколько изданий. Б.-Каменскій был известен, какъ собираеиъ и издатеиъ памятниковъ. Онъ близко со- ялъ къ архиву министерства иностран- ныхъ дѣлъ и, благодаря этому, его исторія, несмотря на слабую сторону изложения, имѣетъ то достоинство, что представляетъ собраніе матеріала, если не критически проработаннаго, то извлеченнаго изъ такого хранилища, которое пользуется всеобщей извѣстностью. „Исторія Малороссіи“ Марке- вича въ 5 томахъ, изъ которыхъ два заклю- чаютъ въ себѣ собственно исторію, а три состо- ятъ изъ приложений, — исторія же, несмотря на то, что въ 3 тома одного матеріала, дал- ко не отстала отъ такихъ документальныхъ направленіиъ, какъ сочиненія Б.-Каменска- го. Т. О. Картовъ посвятилъ цѣлую книгу этимъ двумъ исследователямъ. Многое изъ сказаннаго имъ имѣетъ значеніе. Напримѣръ, относительно Маркевича онъ говоритъ, что приложенный къ его сочиненію матеріалъ

не всегда внушаетъ доверіе, такъ какъ авторъ пользовался по большей части неподлинными матеріалами, а копіями, списками. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія многіе интересовались мажарусскою исторіей, и, за неимѣніемъ лучше или лучше систематическаго сочиненія по этому вопросу, ходило по рукамъ много рукописей лотаринскихъ епископовъ; между прочими, извѣстная „Мѣсторія Руссовъ“, приписываемая мажарусскому епископу Георгію Конисскому. Этими-то списками, — конечно уже не въ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, и потому не всегда точными, пользовался Маркевичъ. Такое изложженіе у описи мажарусскихъ историковъ неудовлетворительно съ точки зрѣнія современной исторической критики. Слово Маркевича только извѣстныя, риторичныя, слышъ у Б.-Каменскаго, но критическаго содержанія ни у того, ни у другого мы не находимъ. Неудивительно, потому, что публикѣ давно перестала удовлетворяться этими сочиненіями. Между тѣмъ, въ 40-хъ годахъ исторія мажароссій получила особое значеніе, въ особенности юго-западная Русь, исключая Кіева, такъ какъ этотъ край до конца XVIII вѣка находился подъ властью Польши и былъ сильно ополченъ, а мажарусская народность подверглась сильному вліянію польскаго языка, религіи и цивилизаціи. Угнетенное населеніе подняло голову, и начинается новая эра въ исторіи этого края. Правда, движеніе еще продолжало существовать крѣпостное

право, но при императоре-губернаторе Бибикове положение крестьян было облегчено. Интерес к своей стране, пробудившийся теперь в русско-русском обществе, отразился в научных изысканиях. С одной стороны, из политических соображений, из желаний доказать, что здешнее население было исконно русское, а не польское, а с другой стороны чисто научной целью приняв за обработку истории юго-западной Руси. Самыми видными представителями юго-западной русской историографии являются Иваницев и Максимович.

Н. Д. Иваницев - уроженец города Киева. Долгое время спустя, уже после того, как Иваницев находился в отставке, указывали в Киев доминировать с тремя окнами науки, где он родился и жил. Родился он в священнической семье, хотя сам был дворянского происхождения - он был младшим сыном. Это происхождение касалось не него и некоторую печаль. Он воспитывался в Киевской духовной семинарии, а затем начальство выбрало его, как ученика, для отправления в одно учебное заведение, называвшееся "высший педагогический институт". Это заведение представляло собой нечто в роде университета, имевшего целью подготовку профессоров.

После Иваницев должен был жить почти в 4-х стенах, так как заведение было закрытое. Заинтересовано, что Иваницев никогда не получал из поведения отливку "подт";

причиной этому, быть может, был тот юмор, которым он обладал в высшей степени и который, вероятно, не нравился начальству. Быть может, поэтому он не получил и медали; но, несмотря на то, его от правили за границу для усовершенствования в знаниях. По возвращении оттуда он был назначен адъюнктом в Киевский университет и попадает здесь под теплое крылышко, покровительствовавшего ему, тогдашнего ректора университета. Кроме ректора, у него был другой горячий покровитель — профессор Ковчинь. Еще будучи за границей, где он путешествовал в одно время в Трановский, он приобрел любовь к славянским древностям и истории. Здесь же Иван Шевъ положил начало прочному знакомству с нашими славянскими законодателями. Через несколько времени он должен был выдержать докторский экзамен (тогда еще требовалось выдержать докторский экзамен). Профессор Романович-Славатинский, написавший его биографию, подробно описывает этот экзамен («Муж и деятельность Н. Ф. Иванова» Романовича-Славатинского. „Древняя и новая Россия“ 1876 г. т. I и II.). После этого Иван Шевъ преподавал различные науки на юридическом факультете. Преподавательская деятельность Иванова не имела такого значения, как его общественная и научная деятельность. Купено указать здесь на некоторые его сочинения. Вет его сочинения были основаны на тех докумен-

тахъ Кіевскаго центрального архива, кото-
 рые онъ собралъ самъ и началъ разрабаты-
 вать. Онъ работалъ въ кіевской археографи-
 ческой комиссіи, которой онъ служилъ бо-
 лѣе 20 лѣтъ - сначала дѣлопроизводителемъ
 и редакторомъ юридическихъ памят-
 никовъ, а потомъ ставшимъ редакторомъ
 и вице-председателемъ. „Съ М. А. Махиши-
 вичемъ, говоритъ Д.-Славатинскій, онъ раздѣ-
 ляетъ честь созданія науки русской юго-западной
 исторіи, для изученія которой онъ собралъ и ор-
 ганизовалъ неиссякаемые источники“. Задачи
 археографической комиссіи были слѣдующія:
 1, собраніе, группировка и хранение писемленныхъ
 памятниковъ; 2, изданіе и научная разработ-
 ка ихъ и 3, добываніе и изданіе памятниковъ
 предметныхъ. Изъ которыхъ изъ трудовъ Ива-
 нишева стали появляться въ „Памятни-
 кахъ“ и начали появляться въ „Архивъ юго-
 западной Руси“, задушанномъ Иванниче-
 вымъ и продолжавшемся до сихъ поръ. Для
 изданія актовъ кіевскаго архива, рѣшено бы-
 ло раздѣлить матеріалъ на группы, ре-
 катать систематически и сопроводить
 каждую группу вступленіемъ, обзорнымъ
 документовъ. Такимъ образомъ, при каде-
 кой группѣ матеріаловъ должна была по-
 явиться цѣлая статья, основанная на
 этихъ матеріалахъ. Къ чему подобныхъ ра-
 ботъ Иваннишева нужно отнести дѣло:
 1, акты, или „постановленія дворянскихъ
 провинціальныхъ сеймовъ юго-западной Рос-
 сіи“ и 2, „акты, относящіеся къ исторіи

православной церкви юго-западной России", между которыми, между прочимъ, изданы и акты объ униі. Обѣ эти работы представляютъ глубокий интересъ для изслѣдователей юго-западной русской исторіи. Въ актахъ объ униі мы знакомимся подробно, на основаніи документальныхъ данныхъ съ этими важными для края событіями. Въ статьѣ своей „Объ униі“ (Русская Бесѣда - 1858, №3) Иванншевъ доказываетъ, что униі имѣетъ политическую подкладку и, поэтому, была навязываема силой. „Полюбскіе политики, говоритъ Иванншевъ, видя возрастающее могущество московскаго государства и религиозное сочувствіе къ нему юго-западной Руси, полагаемъ, что униі уничтожитъ эту моральную связь между двумя единоплемениными и единовѣрными народами.... Чтобы распространить католичество и приготовить народъ къ принятію униі, польское правительство предоставило іезуитамъ воспитаніе западно-русскаго дворянства. Эти истинные педагоги направилъ весь свои усилія къ тому, чтобы ослабить въ своихъ воспитанникахъ народныя элементы и тѣмъ сдѣлать ихъ способными къ принятію новыхъ началъ, выработанныхъ католическими западоями. Молодые дворяне, воспитанные іезуитами, легкомысленно отреклись отъ своей вѣры, забывши родной языкъ и смотрѣвшимъ презрѣніемъ на все, что только имѣло на себѣ печать русской народности. Отъ этого разорвана была внутренняя, моральная связь между

аристократіей и народами; осталась одна вѣн-
ная юридическая связь, основанная на законѣ, под-
чинявшая простой народъ неограниченной вла-
сти аристократовъ; и когда народное возста-
ніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ,
разорвало и эту послѣднюю связь, то ни одинъ
воинъ не смелъ не раздаться въ народъ въ защиту
аристократіи, отрекшейся отъ своей вѣ-
ры и презрѣвшей свою народность". Въ 1860 го-
ду кievская археографическая коммиссія изда-
ла отдѣльной книжкой статью Иванова:
"постановленія дворянскихъ провинці-
альныхъ сеймовъ юго-западной Россіи"; ко-
торая вошла потомъ во вторую часть Ар-
хива. На основаніи постановленій сеймовъ
Ивановъ разъяснилъ, какъ западно-русскіе
дворяне называли себя прежде народомъ
русскимъ, безъ различія въ происхожденіи
и какъ мало-по-малу исповѣдывавшіе ка-
толичество начали переименовываться въ
народъ польскій; какъ первоначальный, чи-
сто федеративный союзъ Литвы и юго-запад-
ной Россіи съ Польшей былъ измѣненъ поста-
новленіемъ Люблинскаго сейма въ 1569 году.
"Этимъ постановленіемъ юго-западная Рос-
сія присоединена была къ Польшѣ (говоритъ
Ивановъ) въ видѣ провинціи; но это при-
соединеніе не можетъ быть названо доброволь-
нымъ, такъ какъ оно вызвано было угрозою
конкорискаціи дворянскихъ имѣній... Колони-
зирование западно-русскаго дворянства, под-
готовленное іезуитскимъ востаніемъ, на-
чалось быстро усмищаться, привлеченъ дворяне,

переходившие въ католическую вѣру, уже начали считать себя поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей русскихъ считаются поляками, если только исповѣдуютъ католическую вѣру. Эти природные русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отечественное помя русскостраннымъ названіемъ, разорвали внутреннюю моральную связь съ западно-русскими народомъ и съ тѣмъ поръ перестали бытъ истинными его представителями". Еще больше возбудила шума классическая работа Иванова „О древнихъ сѣвскихъ общинахъ юго-западной Руси" (Русская Бесѣда 1857 №3). Напечатаніе этой статьи было весьма своевременно. Это было время знаменитой полемики о русской общинѣ между Бѣляевымъ и Лигеринскимъ, Чернышевскимъ и Вернадскимъ. „Русская Бесѣда" стояла на сторонѣ воззрѣній Бѣляева, доказывавшаго, вопреки Лигерину, что древне-русская община - самобытное и органическое национальное установленіе, а не искусственное созданіе административной. Разработывая западно-русскіе акты XV, XVI и XVII столѣтій, Ивановъ наосновъ сѣвскіхъ существованій общинно-вѣчевыхъ, конныхъ судовъ въ то позднее время, когда уже полвекъ поръ докъ поднималъ себя всю юго-западную Русь. Эти общинно-вѣчевые суды держались на старомъ об-

что, на столько прирожденно въ нареду,
 что онъ уперно сохранялъ его, несмотря
 на стремленіе шведской полви унижо-
 житъ его. Такимъ образомъ, неопровержи-
 мо подтверждалось значеніе общиннаго ка-
 чества въ внутреннемъ строе руси, въ древ-
 немъ и среднемъ периодъ ея существованія.
 Компетенція древнихъ кунъ юго-западной
 руси была очень обширна; она простира-
 лась даже на дѣла уголовныя; она въ-
 дава, напримѣръ, дѣла о жертвѣхъ ялахъ,
 найденныхъ въ тѣхъ или другой деревнѣ.
 Книга Иванничева объ общинѣ и ро снѣхъ
 поръ имѣетъ значеніе; концы суда имѣ-
 ли болѣе широкое распространеніе; она существо-
 вала даже въ сѣверо-западной руси. На-
 конецъ, не касаясь другихъ работъ Ива-
 нищева, посвященныхъ строго-юридиче-
 скимъ вопросамъ, укажемъ на его предисло-
 віе къ изданію Кіевской комиссіи — „Жизнь
 князя Курбскаго въ Лиувъ и на Волынѣ“.
 Иванничевъ для этого изданія рассмотрѣлъ
 17 актовъ кнѣжескихъ и владимиро-
 скихъ и попустилъ въ остатокъ 39 книгъ
 уряда киевскаго. Акты переведены
 имъ самимъ на современный русскій языкъ,
 помѣщены примѣчанія, поясняющія тех-
 ническіе термины. Иванничевъ совершилъ
 много экскурсій съ цѣлью отыскиванія
 по провинціямъ различныхъ племенныхъ
 памятниковъ старинныя и сдѣлавъ мно-
 го важныя и цѣпныя археологиче-
 с. исторіографія 24. лекц. пр. багалъ мѣсь 46

скихъ раскопокъ, хотя не получивъ спеціаль-
ной археологической подготовки. Въ октябрѣ
1874 года Николай Флентьевичъ Ивановичъ
скончался, проведя послѣдніе годы въ самомъ
аскетическомъ уединеніи отъ всего окружаю-
щаго, причиной чему послужила его не-
удача въ комиссіи по составленію про-
екта реформы въ царствѣ польскомъ по
слѣ польскаго возстанія. Въ этой ком-
иссіи онъ былъ председателемъ юриди-
ческаго отдѣленія. Изъ сказаннаго мы
видимъ, что число трудовъ Иванова
невелико по количеству и объему,
но они очень цѣнны и положили нача-
ло документальной разработкѣ южно-
русской исторіи. Его работы были про-
должены профессоромъ Антоновичемъ.

Другой представителю южно-русской гео-
графіи, бывшій ректоръ кievскаго уни-
верситета — Максимовъ.

Интересна его судьба: сначала онъ из-
бранъ своею спеціальностью естествен-
ной науки. Это былъ представитель ста-
рой традиціи, другъ Жуковскаго, Пуш-
кина, Славяновъ, въ чинѣ антаго-
нистъ и вѣдѣлъ съ нимъ большой приф-
тель Погодина, находившій съ нимъ въ
постоянной, ожесточенной и дружеской,
можно сказать, борьбѣ. Онъ извѣстенъ
въ области южно-русской словесности,
даже въ области географіи, топогра-
фіи и археологіи. Въ настоящее время
его сочиненія изданы въ 3^{хъ} томахъ. Его

весьма основательно называли всерусско-
 русскимъ университетомъ, такъ какъ онъ
 совмѣщавъ въ себѣ три спеціальности. Онъ
 былъ весьма, поэтому, разносторонень, и
 притомъ эта разносторонность была не
 поверхностная, онъ обладалъ фактиче-
 скими, иногда широкими, глубокими дан-
 ными, его работа представляла, говорилъ
 его словами, кирпичи для будущаго зда-
 нія русско-русской исторіи; но этииъ
 характерами нисколько не умаляетъ
 значеніе его работъ: „кирпичи“ эти обоже-
 жены, обработаны и снабжены кирпичикомъ.
 Изъ историческихъ его работъ, собранныхъ
 въ 1^ю томъ его сочиненій, обращаетъ
 на себя вниманіе статья: „о лишкомъ
 запустѣніи Украины въ нѣмѣстѣ ба-
 тыево и населеніи ея новопришлыми
 народами“. Онъ собираетъ данныя по этому
 вопросу и даетъ отвѣтъ строгимъ
 въ противоположность Погодину и Соболев-
 скому. Но гораздо болѣе его работы отно-
 ся къ русско-русской исторіографіи. весьма
 важная его работа — „историческія письма
 о казакахъ приднѣпровскихъ“. Эта рабо-
 та была вызвана работой Антоновича:
 „исторія казачества до Богдана Хмель-
 ницкаго“. Къ исторіи же казачества отно-
 сятся и такія же характерныя работы
 его „письма о Богданѣ Хмельницкомъ“. Она
 вызвана известной монографіей Костомарова
 о Богданѣ Хмельницкомъ. Максимова
 указываетъ здѣсь много примечаній и, та-

кимъ образомъ, понимаютъ его работу. Зна-
 чительный интересъ представляютъ 2 ра-
 боты Максимовича, посвященные исторіи
 Малороссіи съ половины XVIII столѣтія: „Обо-
 зрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ
 на Украинѣ со времени Богдана Хмельниц-
 каго“ и другая статья: „Будновская сотня“,
 въ которой фиксируетъ знаменитая Ми-
 хайлова гора на берегу Днѣпра, гдѣ нѣсколь-
 ко лѣтъ пролежалъ въ уединеніи Максимо-
 вичъ. Эта работа, несмотря на нѣкоторое
 присутствіе лирическихъ мѣстъ, не лише-
 на значительныхъ достоинствъ. Затѣмъ,
 ему принадлежитъ крупная работа, по-
 священная послѣднему эпизоду изъ исторіи
 гайдамачины — „Сказаніе о копейцѣ“, или
 о гайдамацкой рѣзнѣ. Ко внутренней исторіи
 лѣвобережной Малороссіи относится его кри-
 тика на историческій романъ Кушша „Черная
 рада“. Здѣсь онъ выступаетъ противникомъ
 многихъ мѣстъ въ романѣ, не въ рывѣ въ
 историческомъ отношеніи. Итакъ, дѣйстви-
 тельно, Максимовичъ собралъ много мате-
 ріала, много камня для будущаго зданія
 русско-русской исторіи, даетъ критическую
 обработку матеріала первыхъ рукъ. Пре-
 тій представитель исторіографіи юго-за-
 падной Руси, ученикъ Ивашева и Макси-
 мовича, Владиміръ Гониматьевичъ
 Антоновичъ. Родился онъ въ 1834 г. въ кiev-
 ской губ., въ польской шляхетской семьѣ.
 16^{ти} лѣтъ отъ роду онъ въ 1850 г. кончилъ 2-ю
 одесскую гимназію и тотчасъ же поступилъ

на медицинскій факультетъ кievскаго уни-
 верситета; но врачамъ, однако, не сообразивъ,
 хотѣя пробывъ на первоначальномъ избранномъ
 мнѣ факультетѣ цѣльнѣе было. Въ 1855
 году Антоновичъ перешелъ на историко-фи-
 лологическій факультетъ и отсюда въ 1860
 году вышелъ со степенью кандидата. Первое
 время по окончаніи университета онъ со-
 стоялъ при 1ой кievской гимназіи кан-
 дидатомъ - педагогомъ по латинскому язы-
 ку, а съ 1862 г. по 1865 г., съ небольшими пе-
 рерывами, преподавалъ всеобщую исторію
 въ Кievскомъ Владимирскомъ кадетскомъ кор-
 пусѣ. Въ 1863 г. молодой ученый поступаетъ
 на службу въ канцелярію Кievскаго ге-
 нералъ-губернатора и сначала откоман-
 дировываемая для занятій во временную
 комиссію для разбора древнихъ актовъ,
 но еще въ томъ же году получаетъ въ этой
 комиссіи видное по своей научной отвѣ-
 стности мѣсто главнаго редакто-
 ра, которое до него занималъ извѣстный
 Мваншневъ. Это мѣсто Антоновичъ
 сохранилъ за собою до 1880 г. Въ 1870 го-
 ду онъ за диссертацію: "Послѣдніе вре-
 мена казачества на правой сторонѣ
 Днѣпра" получилъ отъ Кievскаго универ-
 ситета степень магистра русской исторіи
 и вместе съ тѣмъ приглашенъ былъ
 доцентомъ русской исторіи, а въ 1878 го-
 ду послѣ защиты докторской диссертаціи
 "Очеркъ исторіи великаго княжества
 Литовскаго" — былъ въ томъ же универси-

тесть избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1880 г. по 1883 г. Антоновичъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Съ 1881 г. онъ составилъ предлагаемую Киевскаго историческаго общества "Нестора - летописца."

Учено-литературная дѣятельность Антоновича выразилась въ двухъ направленияхъ.

1. Изсѣдованія и монографіи и
2. Издательская дѣятельность.

Свои изсѣдованія онъ печаталъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и ученыхъ сборникахъ, а потомъ издавалъ отдѣльными оттисками все, что напечатано было первоначально въ "Архивѣ юго-западной Россіи", "унив. изв." и "трудахъ географическаго общества". Кроме того Антоновичъ въ 1885 году издавалъ 1 томъ "монографій", въ составъ котораго вошло: 1) очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго; 2) города въ юго-западной Россіи; 3) Паны Ходзьки; 4) Киевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV стол.; 5) очеркъ отношеній польскаго государства къ православному и православною церкви; 6) Летопись Сетинскаго монастыря. Большое значеніе для русской исторической науки имѣетъ рядъ съ чрезвычайной тщательностью изданныхъ В. Б. историческихъ актовъ и матеріаловъ разнаго рода. Наконецъ, Антоновичъ участвовалъ въ киевской

„Заря“ 1880-1886 г. (редакция м. и. Кулишера)
и поместить статью в „Основа“ (1882)
№1 под заглавием „моя невольность“. Не
велика статья, но это ключ ко
всей деятельности киевского историка,
который, несмотря на свое польское происхож-
дение, всецело себя посвятил служению ма-
iorусскому народу. Это был ястре отшельник
своей разрыв сосредоточен, в которой их свя-
зана только строгость происхождения
ниж, и от которой их отталкивал весь
склад их духовной жизни, многие моло-
дые полки юго-западного края, ища
во главе Антоновича и Садзья Риб-
ского, приняв в начале 60-х годов
православие. Такое демонстративное
отречение не пришлось, конечно, по вкусу
полякам; нашли даже люди, кото-
рые пустили в ход слово „излишняя“.
Один из них — польский публицист
Надашица в письме к редактору „Осно-
вы“ прямо назвал Антоновича „перевер-
женцем“. Но Антонович всего меньше оскор-
бился этим эпитетом. С гордостью
поднял он брашенную перчатку и со
всей откровенностью человека, знающа-
го, что у него совесть чиста, ответил
своему обвинителю: „Да, г. Надашица,
вы правы! Я действительно „перевер-
жен“, но вы не взяли во внимание одного обстоя-
тельства, именно того, что слово „от-
ступник“ не имеет само по себе
смысла; что для составления себя по —

нятія о мнѣ, къ которому приложенья Эгої-
 змъ, нужно знатъ, отъ какого, имен-
 но, дѣла человѣкъ отступился и къ ка-
 кому, именно, присѣлъ; иначе слово Эго-
 изма смысла — Эго пустой звукъ. Дѣй-
 ствительно, вы правы. Но воля судьбы я
 родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣ-
 ствѣ мнѣ въ привычки паншечей и дол-
 го раздѣляя въ сословній и національ-
 ной предубѣжденіи людей, въ кругу кото-
 рыхъ воспитывался; но когда пришла
 для меня время самосознанія, я хладно-
 кровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ,
 я взвѣсилъ его недостатки, всю стремле-
 нія общества, среди котораго судьба ме-
 ня поставила, и увидѣлъ, что его положе-
 ніе нравственно безвыходно, если оно не
 откажется отъ своего исключительна-
 го взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ по-
 селателствъ на край и его народность;
 я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живу-
 щіе въ южно-русскомъ краѣ, многіе прези-
 сь свою собственной совѣсти только двѣ
 исходныя точки: или помилуй народъ,
 среди котораго они живутъ, проникну-
 тель его интересами, возвратиться къ
 народности, когда-то повинуты имъ
 предками, и неусыпнымъ трудомъ и
 любовью, по мѣрѣ силъ, вознаграждать все
 зло, причиненное ими народу, вскораше-
 мену многія поколѣнія всѣхъ возможныхъ
 колѣнствъ, которому эти посильнѣе
 за потъ и кровь платили презрѣніемъ,

ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же если для этого не хватитъ нравственной силы, — переселитесь въ землю польскую, заселенную польскими народомъ, для того, чтобы, наконецъ, избавитесь самолюбъ предъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колониствъ, тоже шантажъ, что и я посредственно или непосредственно (что въпрочемъ все равно) нѣмало чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я зашью непрошеный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу въ лагерь, стремящаяся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣственность за мои дѣйствія. Конечно, я рѣшившая на первое, потому что, сколько ни быль испорченъ шляхетскими воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ мнѣ шпахтъ, — мнѣ усть котораго я слышалъ не одну печальную, раздражающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хоть я быль и паномъ), не одну трагическую повѣсть о истинной въ скорби и безпомощномъ трудѣ жизни... Который словомъ, я помнилъ вѣще своихъ, шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаний.

Вамъ хорошо известно, г. Падалица, и то, что
предсуде, явивъ я рѣшившійся разстаться съ импе-
торомъ и всѣмъ въ правительствѣмъ достой-
нымъ, я испробовалъ всѣ три примиренія; вы
знаете и то, какъ были съ вашей стороны
встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможе-
ныхъ къ человѣчному обращенію съ крѣстьяна-
ми, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, рво-
ваннаго на его собственныхъ національныхъ
началахъ, къ признанію юденно-русскимъ, а
не польскимъ того, что юденно-русское, а не
польское; вы были, вѣдь, свидѣтелями, какъ по-
добныя мысли возбуждали внаглѣ свистѣ
и смѣхъ, потаивъ гнѣвъ и брань и, наконецъ,
подлые доносы и намеки о колѣнвицѣхъ.

Послѣ этого, конечно, оставалось или отречь-
ся отъ своей совѣсти, или сѣмъ ваше об-
щество: я выбралъ второе и надѣюсь, что тру-
диль и любовью заслужу когда-нибудь, что украин-
цы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ
какъ я все готовъ раздѣлять съ ними. Надѣюсь
также, что со временемъ среди польскаго шля-
хетскаго общества, живущаго въ Украинѣ,
поворотъ къ народу и сознаніе необходимости
трудиться на его пользу, раньше или позже,
станетъ правительнаго потребности не
только отгнѣнныхъ людей, какъ теперь, а вооб-
ще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обидѣть свое
положеніе и свои обязанности, и не предпоч-
тетъ мечты насущному, вызванному соб-
ственной совѣстью, дѣлу. Итакъ, г. Падали-
ца, вы правы! Я - перевертень, и я горжусь
этимъ такъ точно, какъ я гордился бы въ

Америку, если бы сталъ аболіціонистомъ изъ плантатора, или въ Италію, если бы, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугою общенароднаго дѣла."

Научная дѣятельность Владимира Бонифратьевича была посвящена почти исключительно изученію южной и западной Россіи, и съ этой точки зрѣнія онъ долженъ быть названъ провинціальнымъ, областнымъ историкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Такое направленіе его занятій далеко не случайное, а объясняется условіями его личной жизни и вліяніемъ общественной среды. Важный матеріалъ для характеристики общественныя взгляды В. Б-го заключается въ его отѣтной статьѣ представлено польскихъ тенденцій, 2-ну Нагальницъ (см. выше). Мы только замѣтимъ здѣсь, что Антоновичъ, принадлежавшій по рожденію къ польскому или, правильнѣе говоря, къ южно-русскому ополяченному дворянству; нашелъ въ себѣ нравственныя силы порвать окончательно и безповоротливо со шляхетскими традиціями и возвратиться къ народности, когда-то покинутой его предками, съ тѣмъ, чтобы работать на пользу тѣхъ, которые "никогда вскоринили многихъ поколѣній вымощенныхъ колонистовъ". И вотъ болѣе 25 лѣтъ Антоновичъ неустанно трудится на избранномъ имъ научномъ поприщѣ на пользу русскаго народнаго самопознанія. Первый толчокъ и направленіе

его историческими работами дали Максимовичъ и Иванишевъ. Известно, какое важное значе-
 ние имѣлъ Максимовичъ для своего времени.
 Энциклопедически образованный - ботаникъ,
 филологъ, историкъ, географъ, этнографъ,
 археологъ и поэтъ въ одно и то же время, онъ
 оставилъ глубокий слѣдъ въ изученіи истории
 южной Руси. Отличаясь изумительнымъ
 трудолюбіемъ и рѣдкимъ умѣньемъ раз-
 сѣивать разнообразныя источники, онъ всю
 свою энергію употребилъ, по его собственно-
 му выраженію, на собираніе кирпичей
 для постройки въ будущемъ зданіи южно-
 русской истории. Ему принадлежатъ мысль
 объ открытіи въ Кіевѣ археографической ка-
 тегоріи для изданія памятниковъ южной
 истории; эту исторію разрабатывалъ и онъ
 самъ въ своемъ „Кіевлянинѣ“ и „Украинцѣ“.
 Такой изыскатель не могъ не оказати
 вліянія на молодое поколѣніе историковъ;
 объ этомъ вліяніи свидѣтельствуетъ самъ
 Антоновичъ въ своей рѣчи, обращенной къ
 Максимовичу на 50-лѣтнѣе юбилей его
 въ 1871 г.; здѣсь онъ прямо заявляетъ, что
 Максимовичъ положилъ краеугольный камень
 въ изученіи южно-русской истории (юбилей
 М. Я. Максимовича. Спб. 1872 г.). Характери-
 стическія особенности историческихъ ра-
 ботъ Максимовича - тщательное изученіе
 фактовъ, критика источниковъ, научная
 добросовѣстность и безпристрастіе въ вы-
 водахъ - мы замѣчаемъ и въ изысканіяхъ
 Антоновича. Иванишевъ напечатавъ Анто-

новца на документальное изучение южно-русской истории. Сами Иванышев, как известно, принимал живейшее, непосредственное участие въ изданияхъ кievской археографической комиссии; благодаря ему, основанъ въ Кievѣ центральный историческій архивъ; онъ издалъ важные источники и разработалъ некоторые капитальные вопросы, касающіеся положенія южно-русского общества въ предѣлахъ Руси Православной; онъ выработалъ планъ и поладилъ начало „Архиву юго-западной Россіи“. Антоновичъ былъ преемникомъ Иванышева по археографической комиссіи и „Архиву“. Въ первый онъ замѣнилъ Иванышева въ должности главнаго редактора, а во второй онъ продолжалъ его работы по извлеченію актовъ, относящихся къ социальной и экономической жизни южно-русского общества въ XVI-XVIII вѣк. Характеръ ученыхъ занятій Антоновича опредѣлился сразу — въ его первомъ изданіи — актахъ о казачествѣ, извлеченныхъ изъ Кievскаго центрального архива и напечатанныхъ въ „Арх. юго-западн. Россіи“. Уже здѣсь, подобно Иванышеву, онъ выступилъ представителемъ документальнаго направленія въ разработкѣ истории юго-западной Россіи. Необходимость такого, именно, направленія вызывалась двумя важнѣйшими обстоятельствами: съ одной стороны, недостаткомъ количества всѣхъ вообще печатныхъ источниковъ для истории южной Россіи.

(и въ томъ числѣ документальныхъ), а съ другой — особыми политическими условіями, въ которыхъ постоянно находился этотъ западный край. —

Историкъ весьма часто приходится касаясь изъясняться для полноты вопросовъ польскій публицистъ заподозрѣвалъ даже достовѣрность актовъ, изданныхъ кievской археографической комиссіей, несмотря на то что подлинники ихъ все могли видѣть въ архивѣ; спрашивается, что же было бы при иной постановкѣ дѣла, если бы, напримеръ, издательствомъ русскаго быта пользовалась не официальными, а частными историками (летописцами, летописцами и т.п.), или же давали публиковать свои выводы о краткихъ извлеченіяхъ актовъ въ текстъ? Наконецъ, и вообще необходимо было познать ученыхъ миръ съ извѣстными историческими матеріалами, которые, можно сказать, открывали новую область русскаго историческаго жизни. Архивистамъ изъясненіямъ Антоновича усиленно занимался не менее 15 летъ. Не ограничиваясь кievскимъ центральнымъ архивомъ, онъ предпринималъ поездки и въ другіе города для архивныхъ занятій: въ Москву онъ занимался въ рукописномъ отдѣлѣ Руриковскаго музея и въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ — въ рукописномъ отдѣлѣ Мин. публ. библіотекъ, въ Львовѣ — въ рукописномъ отдѣлѣ Института Восточныхъ. Во всѣхъ этихъ архивахъ было собрано имъ множество разнообразныхъ документовъ. 1ое изъ ^{среды} этихъ принадлежностей

актамы, напечатанными въ „Архивъ югозапад-
ной Россіи“ / 2 тома актовъ о казакахъ, 1 томъ
о дворянахъ, одинъ о горожанехъ, одинъ о кре-
стьянахъ, одинъ о гайдамакахъ, одинъ объ
учинъ и православной церкви и одинъ о заселе-
ніи Украйны). Все это составитъ въ сово-
купности около 300 печатныхъ листовъ
всѣмъ на цѣннаго матеріала, собраннаго мно-
гими трудами неутомимаго изыскателя;
каждый томъ архива заключаетъ въ себѣ
серію документовъ, освѣщающихъ одну ка-
кую-нибудь сторону быта; конечно, такъ
собираетъ матеріалъ гораздо полезнѣе (но и
труднѣе), чѣмъ просто выискивать то, что
любопытно и интересно въ какомъ-либо
отношеніи. Члѣнство сък. Козловскихъ Андо-
новичъ издавъ грамоты великихъ князей
Литовскихъ; таковы также его изданія
актовъ и грамотъ. Но онъ не остано-
вился на однихъ документальныхъ источни-
кахъ, а открылъ и напечаталъ крѣпко ю-
го цѣлый сборникъ Метелісей, относящій-
ся къ исторіи западной и южной Россіи,
несколько мемуаровъ (Свѣтлицка, Свѣтлицка-
го, Бальми), издавъ вѣдѣть съ ф. Тернов-
скихъ сборникъ разнообразныхъ матеріаловъ
(отрывковъ изъ Метелісей, актовъ, мемуаровъ,
записокъ иностран.) по исторической геогра-
фіи г. Кіева, а вѣдѣть съ М. Драгомано-
вымъ — 2 книги историческихъ пѣсень мало-
русскаго народа; къ этнографіи, вѣдѣтъ
съ пѣснями, нужно отнести и напечатан-
ное имъ собраніе актовъ о колдовствѣ (не

говоришь ничего о переводах на русский языкъ замѣтокъ Хосеукаго и Заславскаго раввина Натан-Мета-Моше иначе Наповерег). Тамъ нѣмъ образомъ, Антоновъ не сдѣлался, подобно Иванушеву, жертвою некотораго односторонняго увлеченія актовымъ матеріаломъ, а былъ въ одно въ одно и то же время и историкомъ, и географомъ, и этнографомъ; географическій и этнографическій его изданія такія же строгіе научныя, какъ и историческій; таково образцовое изданіе „Историческихъ пѣсень малорусскаго народа“. Пѣсни здѣсь распределены по эпохамъ и снабжены чрезвычайно обстоятельными комментаріями, замѣсѣвованными изъ различныхъ, иногда редкихъ и мало извѣстныхъ источниковъ; рядомъ съ основными мотивами приводятся постоянно варианты. Изданіе это было встрѣчено весьма сочувственно русской и даже иностранной критикой. Императорская Академія наукъ наградила издавателей Уваровской преміей; Костомаровъ напечаталъ сочувственный разборъ въ „Вѣстникѣ Европы“, а извѣстный французскій ученый Рамбо познаношилъ свою публику въ этой книгѣ въ „Revue des deux mondes“.

Но Антоновъ не былъ только издателемъ сырыхъ матеріаловъ; онъ самъ же и разрабатывалъ ихъ; къ каждому тому актовъ, изданнымъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи“, онъ присоединялъ исцѣдованіе и содержанія, и, такимъ образомъ, являлуть.

мый рядъ монографій по исторіи казачества, городского сословія, крестьянъ, шляхты, православной церкви. Неудачно нужно назвать только одну изъ этихъ работъ — исторію Днѣпровскаго казачества до 1648 г. да и то не всю, а только первую половину ея, трактующую о происхожденіи казачества и первоначальной его судьбѣ. Многія слабыя мѣста этого изслѣдованія отметилъ еще Максимовичъ; ошибка автора состояла въ томъ, что онъ приходилъ пунктомъ своего изслѣдованія признавъ шаткую и неосновательную гипотезу о князьяхъ Зерининовичахъ; замѣтилъ, что это единственная работа Антоновича, въ которой мы видимъ предвзятую идею. Что же касается остальныхъ изслѣдованій, то все они представляютъ искусную переработку сырья и даютъ много полезныхъ и совершенно самостоятельныхъ выводовъ, прочно установившихся въ наукѣ. Если Максимовичъ приготовлялъ книги для постройки зданія южно-русской исторіи, то Антоновичъ выводилъ уже сѣны и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи даже больше, чѣмъ Иванцевъ; особенную цѣнность имеютъ его изслѣдованія о городарь, крестьянахъ и поселившихся временахъ казачества на правомъ берегу Днѣпра. Выводы, сдѣланные Антоновичемъ въ первыхъ двухъ работахъ, приняты профессоромъ К. Н. Бестужевымъ Рюминымъ, который ссылается о Владимірѣ Бениратѣевичѣ, кк

Рус. исторіографія 2 г. лекц. пр. Багалъя. Листъ 48

о лучшемъ знатокъ западно-русской стари-
ны. (Рус. Исторія т. II, стр. 89, прим. 135). Что же
касается третьей издидованія, то оно кро-
мѣ того отличается еще и рельефностью
изображенія; здѣсь личность Сем. Палия вы-
ступаетъ, какъ живая. Исправъ въ значи-
тельной степени внутренній бѣтъ западно-
русскаго обществѣ подъ польскими влады-
тельствами, В. Б. Антоновичъ рѣшившій поднять
существенный, капитальный вопросъ объ
образованіи Литовско-русскаго государства.
Сочиненіе это (Очеркъ исторіи великаго кня-
жества Литовскаго), несмотря на свой
незначительный объемъ, должно бѣтъ при-
знано чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ
сокровищницу русской исторіи. Н. П. Дам-
кевичъ, извѣстный своими работами по
исторіи юго-западной руси, напегаая
обстоятельнымъ разборъ книги Антоновича,
составившій къ бѣ самостоятельное сочи-
неніе, въ которомъ онъ, между прочимъ,
говоритъ: „Подобно другимъ работамъ ав-
тора и „Очеркъ исторіи вел. кн. Литовска-
го“ до половины XV ст. отличается при-
наибольшею и полной самостоятельностью.
Выводы автора опираются на строгое
издидованіе источниковъ и являются ре-
зультатомъ тщательной критической
проверки ихъ, и мы имѣемъ теперь на-
чало исторіи Литовско-русскаго государ-
ства, густой прикрасъ и искаженій. Стоя
на чисто научной почвѣ, г. Антоновичъ
оставляетъ въ сторонѣ публицистическія

размаловствованія и полемикѣ съ многими другими учеными и ограничивается строгимъ фактическимъ изложениемъ, отчего трудъ его, конечно, лишь выиграетъ въ достоинствахъ. Хотя автору приходится въ большинствѣ случаевъ самому критически осматривать и устанавливать факты, темъ не менее масса послѣднихъ не подавила его, и г. Антоновичъ нарисовалъ яркую и рельефную картину постепеннаго образования литовско-русскаго государства, чрезвычайно удачно сгруппировавъ факты, такъ что послѣдовательное развитіе великаго княжества литовскаго ясно представляется читателю. Представленный лишь очеркъ отличается въ тоже время надлежашей полнотой и основательностью. Въ силу всего сказаннаго, книга г. Антоновича составляетъ одну изъ важнѣйшихъ явленій нашей исторической литературы послѣдняго времени." („Записки по исторіи литов.-русскаго княжества" стр. 6-7). Чтобы познакомиться съ исторической работой Антоновича, необходимо упомянуть о составленныхъ имъ біографіяхъ политическихъ дѣятелей юго-западной Россіи (для изданія профессора Беца); впрочемъ, книга эта предназначена не для ученыхъ, а для публики и представляетъ популяризацию научныхъ данныхъ.

Кроме чисто историческихъ изслѣдованій, Антоновичъ написалъ еще нѣсколько работъ по исторической географіи и этно-

графин. Сказанные другие его статьи: „о Кіевѣ, его судьбѣ и значеніи съ XIV по XVI в.“ и „о колдовствѣ“; въ первой рѣшается важный и спорный вопросъ о мнимо-запустѣннѣи Кіева послѣ татарскаго нашествія, а во второй — устанавливается взглядъ южно-русскаго народа на колдовство; основана эта работа на актахъ, собранныхъ самимъ Антоновичемъ, который за нее получилъ отъ Импер. Географ. Общ. серебрянную Медаль. Въ настоящее время В. Б. Антоновичъ достигъ большой известности и какъ археологъ; онъ принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ 5 русскихъ областныхъ археологическихъ съездахъ, пригласивъ на 3^х изъ нихъ читать по нѣскольку рефератовъ (на казанскомъ — 4 на одесскомъ — 2, на Ми-дринскомъ — 2). Въ эти рефераты являлись результаты его личныхъ раскопокъ, которыми онъ совершалъ по порученію Московскаго археологическаго общества, Императорской археологической комиссіи и предварительныхъ комитетовъ, съездовъ. По целымъ мѣсяцамъ, въсто камикуларнаго отрыва, онъ занимался раскопками въ различныхъ мѣстностяхъ южной Россіи — въ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской Полтавской, Херсонской губер. и на Кавказѣ. Покойнымъ графъ Уваровъ высоко цѣнилъ Антоновича, какъ археолога, и въсто съ нимъ производилъ раскопки Фатьяновскаго и Ковалевскаго могильниковъ. Археологическія работы Анто-

новича отличаются такими же ценными качествами, как и исторический: глубокий изучением фактических данных и постоянными обобщениями, логически вытекающими из обработки материалов; весь его раскладок сопровождался аккуратно веденными дневниками, заключающими в себя точное обозначение найденных предметов; в своих рефератах он нам дает характеристики погребальных типов (древляны, срубляны, тиверцевы). Чтобы составить себе понятие о значении его археологических изысканий, достаточно вспомнить, что граф Уваров в своем известном сочинении „Каменный векъ России“ приписываетъ ему открытие и описание особаго типа нечелъ, жившихъ для женщины первобытнаго человека переходной эпохи (нечелъ въ лѣсу у Виришовскаго монастыря въ Киевѣ). Научныя археологическія изысканія требуютъ многихъ вспомогательныхъ знаний, и Антоновичъ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этому требованію: онъ прослушалъ полный университетскій курсъ на медицинскомъ факультетѣ, затѣмъ окончилъ историко-филологическій, спеціально работая не только по исторіи, но и по этнографіи; въ бытность за границей, въ Парижѣ изучалъ антропологию подъ руководствомъ Пюинара; съѣздившись хранителемъ музеевъ древностей и нумизматическаго кабинета при Киевскомъ университетѣ, въ

теченіи многихъ лѣтъ занимаясь приведе-
ніемъ ихъ въ порядокъ и систематическимъ
описаніемъ; наконецъ, у него есть собственная
(правда-небольшая) археологическая коллекція.
Неудивительно, поэтому, что и въ иностран-
ной литературѣ нашли себѣ мѣсто от-
зывы объ археологическихъ работахъ Ан-
тоновича. Изъ многихъ критическихъ за-
мѣтокъ (въ „Кіевской Старинѣ“) выделяет-
ся рецензія на сочиненіе г. Буцинскаго „О
Богданѣ Хмельницкомъ“ и на извѣстный
историческій романъ польскаго писателя
Сенкевича „Огнемъ и мечемъ“; А. Н. Тышинецъ
называетъ эту послѣднюю рецензію замѣ-
чательной и приводитъ значительныя вы-
держки изъ ней въ своей недавней статьѣ,
посвященной разбору историческихъ рома-
новъ г. Сенкевича.

Такова обширная и плодотворная на-
учная дѣятельность Владиміра Веник-
ловича Антоновича, которая, къ сожалѣ-
нію, остается недостаточно оцѣненной
въ нашихъ центрахъ, конечно, потому, что
Антоновичъ работаетъ въ провинціи и
печатаетъ свои сочиненія въ лихтеневыхъ
изданіяхъ. Въ 1884 году вышла толстая кни-
га, посвященная исторіи русскаго самосоз-
нанія по научнымъ сочиненіямъ, написан-
ная Петербургскимъ профессоромъ, не ма-
ло работавшимъ по исторіи Западной Рос-
сіи, — и въ ней научной дѣятельности
Антоновича посвящено ровно 4 строчки
(сказано только, что онъ написалъ замѣча-

тельное сочинение „очертъ исторіи великаго кня-
жества Литовскаго“; впрочемъ, и Максимовичъ только упомянутъ въ этой „исторіи“, а
объ Иванюшевѣ не говорится ни слова, имен-
ду тѣмъ они представляютъ особенный ин-
тересъ для выясненія исторіи русскаго само-
познанія.

Нельзя не отнестись также препо-
давательской дѣятельности Антоновича;
достаточно сказать, что его слушателями
и слушательницами написанъ былъ цѣлый
рядъ трудовъ, изъ которыхъ потомъ нѣкто-
рые были напечатаны. Въ настоящее вре-
мя Антоновичъ трудится надъ передѣл-
кой своего сочиненія о Днѣпровскомъ казаче-
ствѣ до 1648 года и надъ археологическимъ опи-
саніемъ древлянскій земли. Эти работы вой-
дутъ въ предпринятое имъ собраніе его сочи-
неній (въ 3-хъ томахъ); 1^й томъ вышелъ еще
въ 1885 году; 2^й будетъ заключать все его статьи
по исторіи казачества, а 3^й — остальные сочи-
ненія (по исторіи внутренняго быта и ар-
хеологии). Въ настоящее время Антоновичъ
закончилъ археологическую карту Кіевской
губерніи. Эта работа очень кропотливая
и потребовалась громаднаго трудолюбія и
времени. Ему пришлось занести на эту
карту нѣсколько тысячъ археологическихъ
памятниковъ. Въ этой картѣ приложенъ
краткій текстъ, который займетъ, по
словамъ Антоновича, 12 печатныхъ ли-
стовъ. Обращаясь къ дружнымъ представи-
телямъ по разработкѣ южно-русской

истории. Можно поименовать целый рядъ
людей, трудившихся надъ разработкой исто-
рии западной и, особенно, южной Руси. Сю-
да нужно отнести известнаго историка
южной Руси Кулиша. Недостатокъ вре-
мени не позволяетъ здѣсь остановиться
на его выдающейся біографіи и дѣятель-
ности. Скажу только, что Кулишъ не былъ
присяженнымъ историкомъ. Онъ — и историкъ
южно-русскій, и географъ, и даже, преиму-
щественно, этнографъ; наконецъ, онъ пи-
сатель и поэтъ. Въ его исторической дѣятельности рѣзко отразилась его личность.
Одинъ изъ его критиковъ выразился: „Укра-
ина — это Кулишъ“. Въ его научной дѣятель-
ности можно отличить нѣсколько со-
вершенно отличныхъ другъ отъ друга пери-
одовъ: древнѣйшій періодъ, когда онъ прекло-
нился предъ козачествомъ, его устройствамъ,
бытомъ; но въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ
онъ явится заклятымъ врагомъ козачества.
Ему принадлежитъ „исторія воссоединенія
Руси“. Этотъ трудъ задуманъ широко, и
если бы онъ былъ законченъ, и изъ него уда-
лены были нѣсколько слишкомъ рѣзкихъ и
субъективныхъ выводовъ, то онъ долженъ
былъ занять очень выдающееся мѣсто.
Воссоединеніе юго-западной и южной Руси
съ Великороссіей при Богданѣ Хмельниц-
комъ собственно представляетъ послѣд-
ній заключительный актъ. До этого вре-
мени было много попытокъ южно-русско-
го народа соединиться съ Великороссіей.

Кушницъ поднялъ этотъ вопросъ очень широко, и въ I томѣ его упомянутой работы мы находимъ очень много матеріала, много цѣлковыхъ страниць, посвященныхъ исторіи заселенія юдино-русскихъ староствъ и воеводствъ до Богдана Хмельницкаго. Въ сию пору въ этихъ темахъ мы находимъ цѣлую исторію внутренняго быта юдино-русскаго общества до второй половины XVIII в. Въ настоящее время онъ напечаталъ новый трудъ „Исторію отпаденія Малороссіи отъ Польши“ въ 2-хъ томахъ въ „Том. М. общ. ист. и др.“ за 1887 годъ. Здѣсь продолжается тотъ же вопросъ, какъ и въ предыдущемъ трудѣ Кушницъ; это — новый, весьма тщательный пересмотръ вопроса, отъ автора наблуждается мало доступнымъ и даже недоступнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, эта книга не лишена многихъ недостатковъ. Въ ней мы не находимъ ссылокъ на источники, и читатель лишенъ возможности проверить выводы автора, очень оригинальные и субъективные. Онъ какъ бы поставилъ цѣлью опровергнуть все мнѣніе, существовавшее до него въ наукѣ по этому вопросу. Его положенія не оставляютъ камня на камнѣ изъ всего, что сдѣлано до него въ юдино-русской исторіографіи. Его полемика отличается страстностью, горячностью. Къ сожалѣнію, критика не стояла на высотѣ своего призванія, и сочиненія Кушницъ, во всякомъ случаѣ выходящія, не встрѣ-

русск. исторіогр. 2-й. пекучаго. Багалъа мстѣ 49

тими такой оутики, какой бы онъ заслуживалъ. Въ трудахъ своихъ, написанныхъ уже въ болѣе позднее время, когда исчезло въ немъ преклоненіе предъ старыми формами малорусскаго быта, онъ является совершенно новымъ человѣкомъ и совершенно уничтожаетъ то, предъ чѣмъ раньше преклонялся. Иногда одна его статья стоитъ всего на 2-3 года отъ другой, и выводы его дѣлаются совершенно различными, неизнаваемыми. Сюда нужно причислить извѣстные намъ труды его по русской исторіографіи.

Козловъ. 1ая его работа — „лекціи по литовской или западно-русской исторіи“ — небольшая книжечка. Еще Устряловъ 1ый обратилъ вниманіе на значительный пробѣлъ въ русской исторіографіи по вопросу исторіи литовской Руси, и этотъ пробѣлъ восполненъ Козловымъ. „Лекціи“ его составлены весьма удовлетворительно. Ему же принадлежитъ изслѣдованіе въ той же области: „Литовская церковная унія“ въ двухъ томахъ, въ которыхъ пересмотрѣны все почти литературный матеріалъ, памятники полемическіе, и это сочиненіе, несмотря на нѣкоторый субъективный характеръ, представляетъ цѣнную работу по данному вопросу.

Дашкевичу принадлежитъ рядъ критическихъ замѣтокъ по исторіи литовскаго княжества, вызванныхъ изслѣдованіями Антоновича.

Васильевскому, профессору петербургскаго университета, принадлежит старое сочинение „Историческій очеркъ города Вишньо“. Въ немъ мы находимъ больше, чѣмъ обобщаетъ его заглавіе.

Къ той же области относится и цѣлый рядъ трудовъ лишь, работающих въ Киевскомъ центральномъ архивѣ: Ковицкаго и Левицкаго (о церкви и крестьянахъ). Затѣмъ слѣдуетъ указать лишь, изучавшихъ исторію южной Руси за болѣе позднее время. Съ половины XVII ст. исторія Малороссіи раздѣляется на 2 части: на исторію лѣвобережной Украины (Черниговская и Полтавская губерніи) и исторію Слободской Украины и исторію Запорожья. Въ послѣднее время довольно внимательно изученію подверглась не только юго-западная Русь, но и лѣвобережная и Слободская Украина. По части изученія лѣвобережной Украины является выдающийся дѣятель не присяжный ученый, но частный человекъ, Лазаревскій, обладающій замѣчательными критическими приемами. Еще въ 1887 г. онъ выступилъ съ указаніемъ источниковъ для изученія Малорусскаго края. Къ числу его трудовъ нужно отнести и цѣлый рядъ монографій, посвященныхъ исторіи старинныхъ малорусскихъ дворянскихъ фамилій, по ихъ названіямъ: „Люди старой Малороссіи“. Эта работа представляетъ вѣдущую попытку дать характеристику дѣятелей

въ области управленія и администраціи, а
 также характеристику политиковъ и зем-
 левладельцевъ, имѣвшихъ важное эконо-
 мическое и социальное значеніе, такъ какъ
 на ихъ земли слѣдѣла масса крестьянъ.
 Изучая бытъ этихъ фамилій не только съ
 политической, сколько съ социальной сторо-
 ны, выясняя ихъ положеніе, какъ отдѣль-
 наго сословія, Лазаревскій, болѣею частью,
 приходитъ къ отрицательнымъ выво-
 дамъ. Въѣсто предвѣстныхъ панегириковъ
 въ старыхъ историческихъ трудахъ, у
 Лазаревского, наоборотъ, мы находимъ
 всѣхъ героев развѣнчанными. Такииъ
 образомъ, въ его трудѣ предъ нами высту-
 пають картина социально-экономической
 жизни родно-русскаго народа, если не въ
 органическомъ ея процессѣ, то, по крайнѣй-
 шей, въ ея эпизодахъ. Кроме того авторъ
 перѣдко обращается къ изученію не только
 отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ сосло-
 вій. Таково, напримѣръ, замѣчательное
 ео произведеніе: „Исторія малороссійскихъ
 помещиковъ, крестьянъ“. Въ XVII в. до 1783 го-
 да Лазаревскій, пользуется громаднымъ ар-
 хивнымъ матеріаломъ, глубоко изучилъ
 внутренний процесс паденія предвѣстнаго
 боды крестьянъ и усиленія крѣпостного пра-
 ва въ Малороссіи; онъ указываетъ здѣсь на все
 усиливавшуюся зависимость этихъ людей,
 которые раньше пользовались полною
 свободою, но потомъ теряли эту свобо-
 ду въ силу социально-экономическихъ усло-

віи. Ели въ этомъ отношеніи Лазаревскій
слишкомъ много приписываетъ значенію
малорусскаго общества, не обращаая внима-
нія на вліяніе центрального правитель-
ства, то во всякомъ случаѣ его сочиненіе
есть единственный въ своемъ родѣ трудъ.
Въ послѣднее время появилось еще цѣнное
его сочиненіе: „Описаніе старой Малороссіи“.
Эта книга обладаетъ обширными мате-
ріалами; она представляетъ подробное
систематическое описаніе Малороссіи
XVII и XVIII ст. съ внутренней стороны.
Здѣсь собрано много географическаго мате-
ріала, много данныхъ біографическихъ
о вѣдѣ дѣятеляхъ Малороссіи за упомя-
нутый періодъ, собраны полные списки
сотниковъ разныхъ полковъ; между про-
чимъ, мы имѣемъ здѣсь подробнѣйшее
описаніе Стародубскаго полка. Конечно,
нужно ожидать продолженія этого тру-
да. Такимъ образомъ Лазаревскій занима-
етъ видное мѣсто въ русско-русской исто-
ріографіи. Въ дѣлѣ изученія лѣвобережной
Украины выдвинулся Луцкій, профес-
соръ Кіевского университета, но въ своихъ
взглядахъ онъ идетъ слишкомъ далеко. Онъ
выступилъ съ теоріей общиннаго быта въ
Малороссіи, и хотя поднятый имъ вопросъ
о Малорусской общинѣ требуетъ вообще
болѣе капитальнаго изученія, но ему прина-
длежитъ, по крайней мѣрѣ, честь откры-
тія въ Малороссіи поземельной общины.
Изученіе Слободской Украины XVII и XVIII в.

(нын. харьк. г.) отличалось до сих поръ случайнымъ характеромъ. Мы имеемъ отъ него труды Срезневскаго, Квитки и Головинскаго, митр. Филарета (трудъ послѣдняго, главнѣйшій образъ, представляеть сборникъ сырыхъ матеріаловъ и нѣкоторую попытку группировки ихъ). Къ этой же области относятся и МММ труды.

Къ исторіи запорожцевъ относятся труды Скальковскаго. Его можно назвать ветераномъ-историкомъ Малорусскаго края. Ему принадлежит „Исторія новой свѣи“ въ 3 томахъ: 1, краткій очеркъ Запорожцевъ и главнѣйшій образъ внутренняго быта запорожеской общины вообще; 2, Настоящее обозрѣніе 3го послѣдняго коша запорожцевъ; 3, Исторія послѣдней запорожеской свѣи. Для этого труда авторъ пользовался многочисленными матеріалами изъ спеціального запорожскаго архива. Такимъ образомъ, понятно, почему исторія послѣдней запорожеской свѣи разработана авторомъ болѣе подробно и обстоятельно. Но не утратилъ своего значенія и первый его томъ. Здѣсь авторъ воспользовался въ значительной степени документальными источниками, и его характеристика Запорожцевъ относится главнѣйшій образъ къ тому же XVIII вѣку. Кроме документальныхъ данныхъ авторъ пользовался для этой характеристики и цѣлыми разказами стариковъ-бывшихъ

запорожцевъ, различными преданіями и т. п. Эти рассказы были собраны преосвященнымъ Гавріиломъ со словъ стараго запорожца Леонтія Корда. Этого простой, безыскусственный, но правдивый рассказъ во многомъ дополняютъ писменные свидѣтельства. Рассказы этого запорожца, стоявшаго близко къ дѣлу, не вранья, имѣютъ большую цѣну и рисуютъ намъ бытъ этого оригинальнаго военного товарищества. Для насъ очень важны характеристическія подробности внутренняго быта запорожцевъ, отличающія его отъ городского козачества. Оригинальное управление запорожцевъ, рады и т. п. — все это живо изображено въ рассказахъ Корда. Но книга Скальковского, въ свое время оцененная нашими учеными учрежденіями, въ настоящее время имѣетъ значительные недостатки. Она не удовлетворяетъ требованіямъ современной критики и, главнымъ образомъ, не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго изслѣдованія; она — нѣтъ иное, какъ историческое повѣствованіе, имѣющее, правда, массу любопытныхъ подробностей. Особенно это нужно сказать о происхожденіи запорожскихъ казаковъ.

Обращу Ваше вниманіе еще на позднѣйшее изслѣдованіе по исторіи запорожцевъ бывшаго воспитанника Гавриловскаго университета Зварницкаго. Я останавливаюсь на немъ, главнымъ образомъ, потому, что въ прессѣ и среди публики случилось по-

чему то болѣе легкое и высое мнѣніе о его
 трудахъ, чѣмъ они того заслуживаютъ.
 Дварницкій извѣстенъ, какъ путешественникъ
 по лѣстамъ бывшей запорожской свѣи, все-
 ма трудолюбивый собиратель археологиче-
 скихъ, топографическихъ и этнографическихъ
 матеріаловъ, весьма трудолюбивый архео-
 логъ и изслѣдователь. Къ содѣланію, способъ
 пользованія этими матеріалами является
 у него очень неудачнымъ. Передъ появленіемъ
 послѣдняго его большаго труда „Запорожье
 въ остаткахъ старины и преданій на-
 рода“, онъ выпустилъ нѣсколько статей по
 географіи и топографіи Запорожья. Эти
 статьи имѣютъ нѣкоторое научное зна-
 ченіе, и если бы авторъ продолжалъ въ
 этомъ родѣ и употреблялъ болѣе крити-
 ческіе приемы, то имѣлъ бы несравненно
 болѣе достоинствъ, но трудъ его представ-
 ляетъ вполне тотъ родъ историческаго
 описанія, который не поддается опредѣ-
 ленію и характеристикѣ. Нельзя его называть
 ни путешествіемъ, такъ какъ въ немъ содержи-
 тся масса археологическихъ и другихъ всевоз-
 можныхъ матеріаловъ, разбланныхъ по
 всей книгѣ; нельзя назвать его и историче-
 скимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ масса пу-
 тевыхъ замѣтокъ и личныхъ впечатлѣній
 искажаютъ характеръ историческаго из-
 слѣдованія; нельзя назвать его и собраніемъ
 актовъ. Вообще трудъ этотъ — неудачное
 соединеніе несоединимыхъ видовъ истори-
 ческой литературы. Въ книгѣ его находится

масса указаний на остатки старины, собранный имъ въ теченіи 8 лѣтъ. Этотъ археологическій матеріалъ относится къ XVIII и нѣдко къ XVII вѣку. Кошмы приносятъ большаго значенія его выпискамъ изъ разныхъ синодиковъ, перепечаткамъ разныхъ надписей на плиткахъ, погребальныхъ, на такъ наз. сломикахъ (въ хатахъ), вообще большаго количества археологическими данными, тѣмъ находкамъ, которые характеризуютъ домашній бытъ XVII и, главнымъ образомъ, XVIII вѣка: люльки, разные предметы вооруженія и т. п. Мы не совсѣмъ довольны только описаніемъ этихъ предметовъ, — не совсѣмъ научнымъ. Нерѣдко онъ разсказываетъ о своихъ раскопкахъ, и для него достаточно найти одинъ курганъ, чтобы дать въ книгу лѣсто для подробнаго описанія его. Этого, конечно, недостаточно, такъ какъ въ курганѣ есть и большаго древняго населенія, гдѣ буцетъ шитье ушло далеко съ древности до историческими. Подобнаго рода объясненія археологическихъ находокъ не могутъ шить лѣста въ книгу, подобнаго изсѣдованію г. Зваринскаго. Даже въ вопросахъ чисто историческихъ онъ нерѣдко впадаетъ въ довольно странныя ошибки. Такъ, наприм., онъ относитъ походъ князя Вал. Вал. Болмизна въ Крымъ ко времени царствованія Елизаветы Петровны. И такъ, мы не совсѣмъ довольны характеромъ описанія остатковъ старины и тѣмъ, что они разбросаны

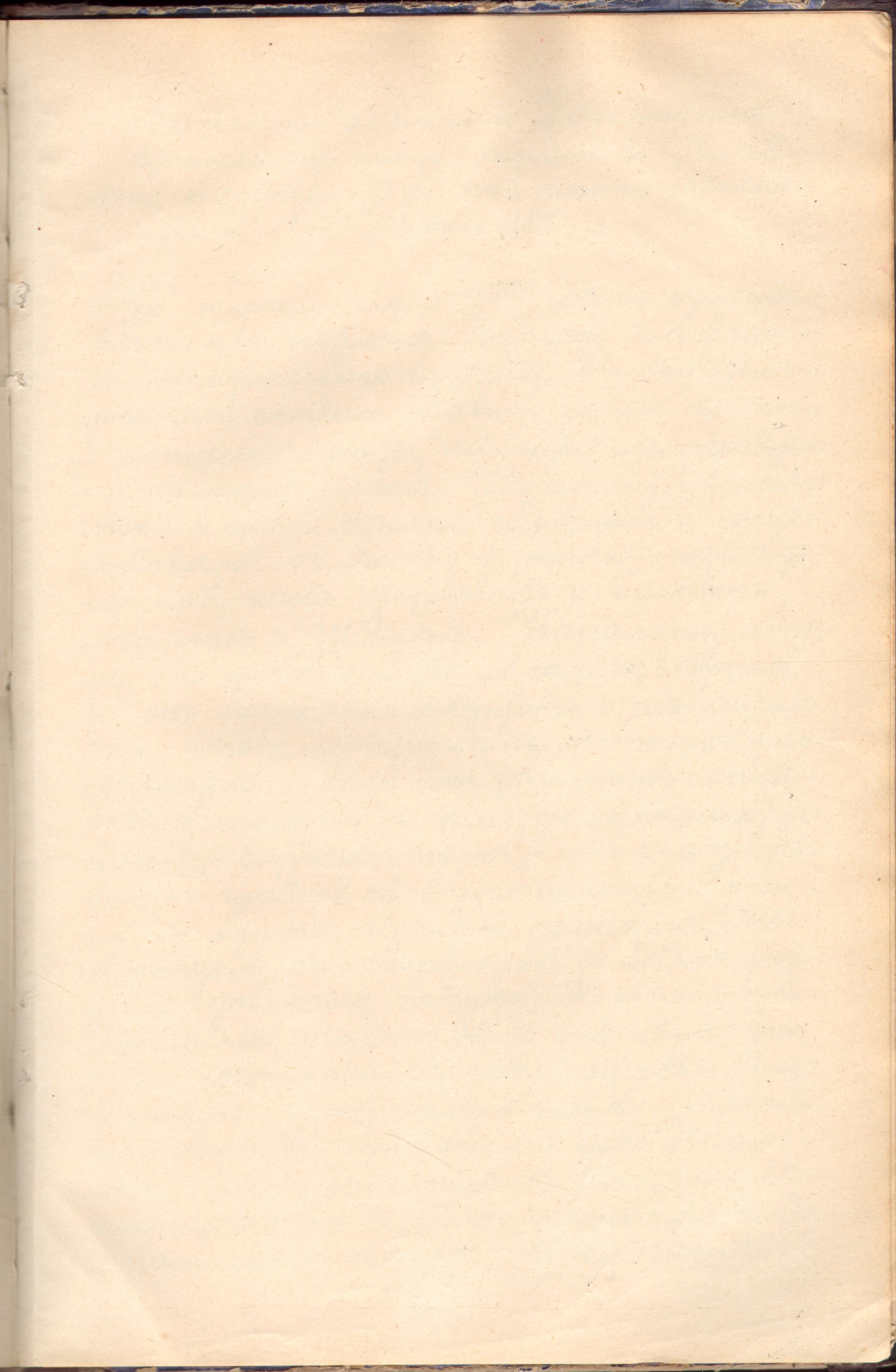
по всей книге, безъ всякой системы; вообще
нужно сказать, что книга эта не имѣетъ
плана, или върнѣе — этотъ планъ спутанъ.
Другаго рода матеріалъ, которымъ пользо-
вался г. Звариницкій — это народныя пре-
данія, собранныя здѣсь въ значительномъ
количествѣ, и если бы авторъ собралъ ихъ
въ отдѣльной книгѣ, или выдалъ въ при-
ложеніи, то этотъ матеріалъ имѣлъ бы
большое значеніе; но у Звариницкаго онъ имѣ-
етъ печальную участь: собранныя имъ пре-
данія служатъ ему для изображеній худо-
жественныхъ картинъ; но его живопись, къ
сожалѣнію, скорѣе китайская; онъ пользу-
ется народными преданіями не для харак-
теристики народного міровоззрѣнія, а
чтобы пополнить или, а иногда и прямо
замѣнить отсутствіе негативныхъ актовъ
и графотъ; а между тѣмъ эти преданія,
не равноценныя по достоверности дру-
гимъ матеріаламъ, неодинаково досто-
верны даже по отношенію другъ къ другу.
Авторъ очевидно стремится часто къ ху-
дожественности изображеній, но онъ по-
нимаетъ эту художественность своеобразно;
эта художественность явится у него ско-
рѣе простой риторикой. Онъ часто дѣла-
етъ лирическія отступленія, скорбитъ о
прощающъ горѣ и радостяхъ малороссіи,
— и мы противъ этого ничего не имѣемъ,
но къ сожалѣнію, такихъ отступленій
очень много, и они напоминаютъ по замы-
слу, но только по замыслу, а не по исполненію,

лирический отступлений Тогола. Но г. Зварницкий не довольствуется прозой въ стихахъ; онъ нередко прибѣгаетъ къ стихамъ, но, къ сожалѣнію, къ стихамъ въ прозѣ. Стремленіе автора къ риторикѣ иногда превращается въ преувеличеніе и даже увлекаетъ его въ область фантазіи. Такъ, напримеръ, онъ рассказываетъ о переправѣ черезъ Днѣпръ у пороговъ, о всѣхъ опасностяхъ, объ ужасахъ этой переправы, о томъ, какъ ему передавали, что здѣсь ежедневно гибнетъ по водѣ по нѣскольку труповъ, и какъ онъ самъ видѣлъ эти трупы, при чемъ обозначаетъ даже ихъ число. Одно лицо, серьезно интересующееся запорожской исторіей, крайне заинтересовалось этими фактами, обратилось въ Екатеринославскій и Херсонскій статистическіе комитеты съ просьбой доставить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, и по доставленнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что на всѣмъ пространствѣ пороговъ было наймано за извѣстное время гораздо меньше труповъ, чѣмъ было у Зварницкаго въ одно и то же время переправы. Художественныя до нѣкоторой степени попытки, къ сожалѣнію, увлекаютъ его въ невѣроятныя рассказы, и наряду съ этими мы видимъ у него большую точность въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. Проверка топографическихъ данныхъ у него невозможна, но авторъ самъ даетъ нѣкоторые средства для проверки. На этомъ я оканчиваю разборъ книги г. Звар-

ни, каго, но и то, что сказано, не исчерпывает и десятой доли того, что можно было бы сказать. Намъ не менѣе за авторомъ нужно признать большое трудолюбіе, большую истинность въ преслѣдованіи своихъ цѣлей.

Намъ не упомянуты еще два выдающіеся современные историка Бестужевъ-Юминъ и Уловайскій, но на нихъ едва ли нужно останавливаться — труды ихъ всѣмъ извѣстны. „Русская исторія“ Бестужева-Юмина имѣетъ большое значеніе, должна считаться главнымъ пособіемъ и настольною книгою каждаго преподавателя по русской исторіи. Бестужевъ-Юминъ извѣстенъ, кромѣ того, цѣлымъ рядомъ статей по русской исторіи и историографіи. Таковы его „Біографіи и характеристики“, которые хотя не всѣ обстоятельны, но заслуживаютъ вниманія. Затѣмъ, въ „Московскомъ обозрѣніи“ помѣщена его статья „о современномъ состояніи русской исторіи, какъ науки“. Уловайскому принадлежитъ тоже „Русская исторія“. Она не даетъ намъ какихъ-нибудь оригинальныхъ выводовъ, но благодаря талантливому изложенію, книга эта займетъ видное положеніе въ наукѣ. Ее не нужно разсматривать, какъ научное изслѣдованіе, а какъ полное, систематическое, прагматическое изложеніе русской исторіи. Она стара-ется принимать во вниманіе сущест-

вущія въ литературѣ возрѣнія, и въ
 этомъ отношеніи книга его имѣетъ
 нѣкоторое преимущество передъ истори-
 ей Соловьева. У Шовайскаго мы находимъ
 богатѣе бібліографическія и литератур-
 ныя указанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,
 правда, мы находимъ недостаточно подроб-
 ное изложеніе внутренняго быта. Зато мы
 должны отдать ему честь въ томъ, что
 его исторія есть исторія всей Россіи, тогда
 какъ предъидущіе историки игнориро-
 вали юго-западную Русь. Въ этомъ от-
 ношеніи онъ вполне самостоятеленъ и
 стоитъ на уровнѣ современныхъ тре-
 бованій науки. Отличіемъ еще одну особен-
 ность этой книги: онъ придаетъ важ-
 ное значеніе географическому элементу въ
 русской исторіи. Въ томъ же, подобно
 Костомарову, самъ поставилъ мѣтаваж-
 нѣйшіе событія и, поэтому, описанія
 этихъ мѣстъ отличаются живостью.
 Его „Поисканія о началѣ Руси“ заслу-
 живаютъ вниманія только критическою
 своей стороною, а положительная ихъ
 сторона (напримѣръ, о славянствѣ Рус-
 новъ) не состоятельна.

Дополненіе къ исторіи Карамзина.

Вотски изъ книги Миллюдова: „Глав-
ный теченія Русской исторической
мысли“ 1 т. Москва 1897 г.

Въ исторіографіи XVIII вѣка существо-
вали два различные взгляда на зада-
чи историческаго изученія. Русскій изыс-
дователъ ставилъ главнымъ цѣлью исторіи
— принесеніе пользы, нѣмекій изысдователъ
— достиженіе истины. Въ концѣ столѣтія
тотъ и другой взглядъ сблизились и суще-
ствовали совместно у такихъ изысдо-
вателей, какъ Щербатовъ и Бейбиковъ,
Миллеръ и Миллеръ. Карамзину, конеч-
но, оба точки зрѣнія хорошо извѣстны,
и онъ постоянно твердитъ о необходи-
мости, чтобы исторія была истинна и до-
стоверна. „Если мы захотимъ соору-
жить исторію съ пользою народнаго же-
славія, — выражается онъ, — то она утѣ-
титъ главное свое достоинство — исти-
ну, и будетъ случайнымъ реманомъ.“ Мы
и увидимъ, что Карамзинъ со всею усер-
діемъ добивался истины — въ своихъ при-
зываніяхъ. Но это была невольная дань
тому состоянию, въ какомъ привели нѣмец-
скую историческую науку, — тягост-
ная открытка, приносимая достоверно-
сти, какъ выражается Карамзинъ въ
предисловіи къ И. Т. Р. и какъ онъ всегда
выражался о своихъ „призываніяхъ“.

Главный нерв его работы лежалъ не здѣсь; чтобы понять историческій идеалъ Карамзина, необходимо обратиться къ тексту И. Г. Р. Завѣшь и какъ онъ будетъ писать исторію, — это Карамзинъ зналъ еще задолго до того, когда рѣшился сдѣлаться русскимъ историкомъ; и написавши свою исторію, онъ остался при прежнемъ взглядѣ. „Пачуть, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ, — вотъ образцы“, пишетъ Карамзинъ еще въ 1790 году, въ Парижѣ, „говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не дунаю; нуриенъ только уиъ, вѣуъ, тапантъ. Можнѣо выирайтъ, едуневитъ, раскраситъ; и читателъ удивитъ, какъ изъ Нестора, Никона и проч. можно выйти зѣвоуо привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чуже — странцевъ, Редословныхъ князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ — не оленъ любопытны, сошмашаюсъ; но зачѣмъ напомятѣ или чѣмъе тола? Что не важно, то сократитъ, но все чертъ, который означаетъ свойство народа русскаго, характеръ нашихъ древнихъ героев, отиыныхъ, подей, прошествія дѣисѣвительно любопытныя описатъ живоразительно. Ну насъ бѣиъ свой Карлъ Великій — Владимиръ, свой Людовикъ XI — царь Іоаннъ, свой Кроивенъ — Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобнаго — Петръ Великій. Время ихъ

правление составляет важнейший эпохи
в нашей истории, и даже в истории чело-
вечества: его — то надобно представить в
оживлении, а прочее можно обрисовать, но
такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафа-
эль или Микель-Анджело.”

И такъ, не историческое изученіе, не
разработка сырого матеріала истории,
а художественный пересказъ данныхъ уже
извѣстныхъ, — вотъ та заманчивая задача,
которая рисуетъ въ воображеніи будуща-
го историка. Изъ нашего историческа-
го матеріала — много сократить, много
раскрасить; возникнуть неблагоприятную
путаницу событій и остановиться на
благоприятныхъ эпизодахъ и характерахъ,
— все это одушевить чувствами; исто-
рію русскую можетъ быть незанима-
тельную, но что художественное произве-
деніе на мотивы русской истории, со-
ставленное по этому рецепту, непе-
рѣнно будетъ занимательно, — за это
ручается умъ, вѣсъ и талантъ ху-
дожника. ” Нынѣ предмета столь блѣд-
наго, чтобы искусство уже не могло въ
немъ ознаменоваться себя приятно для
ума обрадовать, ” повторяетъ Карамзинъ
ту же мысль въ своемъ предисловіи. ” Нынѣ
единств. предметомъ надо раздумать ”
” здѣсь русскую исторію, а приятно озна-
менуетъ себя въ этомъ предметѣ — Исторія
государства Россійскаго.

Главную помощь оказывалъ авторъ. Могъ-

но бы составилъ интересный каталогъ этикетовъ, которыми Карамзинъ сѣраея описывать толпу князей, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и путаницу ихъ дѣйствій, утопичнѣе —, однообразнѣе. „Добрый, благодѣтельный, злостокъ, лѣзвый, безглаголющій, знаменитый, неогастный, счастливый, печальный, конь, храбрый, хитрый, благодушный, осторожный и т. д., — все эти прилагательныя такъ и мелькаютъ въ разсказѣ, облегчая чтеніе, но не оставляя все-таки, никакаго прочнаго впечатлѣнія и даже обезличивая пертъ, дѣйствительно характерный. „Отпущивъ, утѣшивъ, негодовавъ, ревновавъ, спѣшивъ, страшивъ“ — налагаютъ такую же печать однообразія и на дѣйствія. Въ построении фразъ встрѣчаешь ту же болѣе или менѣе невинную, манеру украшать фактическія данныя лютостіею.

„Сердце моевитане было обрадовано счастливый возвращеніе своего князя;“ „никто не могъ безъ удивленія видѣть, сколь Дмитрій предпочитаетъ безопасность нареднюю своей собственной; — и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ;“ „сей государь великодушный могъ и быть счастливъ и вѣселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи;“ „цѣлительные прощительныя волеи — господствовать единодержавно, они измѣлались, но повинивались.“ Все эти укра-

шения рѣчи, свѣдѣтельствующія о мнѣ-
 патурныхъ вѣвусахъ эпохи, становая,
 однако, уже совѣшь не невинны и ко-
 гда вѣдѣйствуютъ на самое содержаніе
 разсказа. Разбѣмъ одинъ примѣръ.
 Въ 1364 году бѣшь въ Москвѣ пожаръ.
 Въ 1367 году построены каменный Кремль.
 Въ 1365 году мурза Мамай вѣскелъ Рязань.
 Въ 1367 году князь Нижегородскій
 Дмитрій Константиновичъ разбѣмъ
 Булатъ-Мелюха. Въ 1364 году Ново-
 городская вольница грабниа по Волгѣ и
 Дмитрій Донской объявниа свои гнѣвъ
 новгородцамъ. Какъ передать занима-
 тельныя для читателя описанія всѣхъ
 этихъ рядъ одиночныхъ, разновремен-
 ныхъ и другъ отъ друга независимыхъ
 фактовъ? Карамзинъ достигаетъ эго-
 го, находя между ними связь и со-
 ставляя изъ нихъ нѣчто цѣлое. По-
 жаръ показанъ ненадежность деревян-
 ныхъ укрѣпленій; поэтому рѣшиши
 построить каменный. Это было нуж-
 но и для будущаго освобожденія отъ
 татарскаго на (о которомъ еще никто
 тогда не думалъ). Но могли ли татара
 „простить“ Москвѣ эту „велико-
 душную слабость“? Нѣтъ, мурза (прав-
 да, совѣшь независимый отъ золотой ор-
 ды) сѣкелъ Рязань (правда, совершенно не-
 зависимую отъ Москвы), но потѣмъ
 бѣшь разбѣмъ. Также бѣшь разбѣмъ дру-
 гой князь мѣмъ монгольскій. Эти нѣбѣмъ

предвозвѣщаямъ важнѣйшій (освобожденіе);
но предварительно нужно было великому кня-
зю усилить внутреннихъ враговъ - новгород-
цевъ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ при-
чинной связи между событіями Карамзина
принуждается свою связь, стилистическую;
читателю, напоминая на Карамзина,
эта связь могла бы показаться причиной,
если бы весь рассказъ не былъ разсчитанъ на
быстро, легко чтеніе, посылъ котораго ника-
кого воспоминанія обо всей этой искусствен-
но-написанной нити событій, все равно,
не останется.

Полнота стилистической связи событій,
у Карамзина есть и другой литературный
приемъ, не менѣе вредящій научному доско-
нству изложенія. Это - его психологическая
мотивировка дѣйствій. Герои исторіи го-
сударства Россійскаго руководятся въ сво-
ихъ дѣйствіяхъ „нѣжною чувствитель-
ностью“. Вотъ для примѣра, рассказъ о
томъ, почему Борисъ не хотѣлъ дѣйство-
вать противъ Святослава Скакина:
„Борисъ отвѣтствовалъ: могу ли по-
нять руку на брата старшаго; онъ
долженъ былъ мнѣ вторымъ отцомъ. Сія
нѣжная чувствительность казалась
воинамъ нападуніемъ: оставилъ князя
милосерднымъ, они пошли къ тому, кто
властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ нихъ
глазѣ право властвовать. Но Свато-
славу мнѣ только дерзость злодѣя.
Онъ послалъ увѣрить Бориса въ люб-

ви своей" и т. д. Въ источнике - воль-
тажи - есть ни той, ни другой мотиви-
ровки. Но даже там, где источник
дает мотивировку, Карамзинъ предпочи-
таетъ иногда замкнуть ее своею, более
соотвѣтствующею его литературной на-
меръ. По мотиву, князь Дмитрій Кон-
стантиновичъ Суздавецкій старается оженъ
у младшаго брата Нижегородскаго княже-
нн; во время борьбы онъ получаетъ изъ Орда
армию на великое княжение Владимир-
ское, но поступаетъ лишь Дмитрію Дон-
скому съ тѣмъ, чтобы получить отъ послед-
няго помощь противъ Нижняго Новгорода.
По Карамзину Дмитрій Константиновичъ
отказывается отъ Владимирскаго сія,
«видя слабость свою» и «предпочитая
дружбу Дмитрія (Донскаго) личности»
хана, — безъ всякихъ определенныхъ раз-
счетовъ; а затемъ освобождаетъ Нижний
городскій столъ и изъ «благодарности» Дми-
трій помогаетъ Суздавецкому князю за-
нять его. Такимъ образомъ, отказъ
Дмитрія Суздавецкаго и помощь ему Дми-
трію Московскаго, — два факта, связан-
ные въ источнике причинною связью, у
Карамзина связываются только стили-
стическимъ оборотомъ съ сантименталь-
но-психологическою мотивировкой: «уве-
ренность, возмущенная обстоятельствомъ»
ли (т. е. отказъ отъ великаго княженія)
не есть добродѣтель; однако-же, Дми-
трій Ивановичъ изъяснивъ ему за что

Благодарность." Даже прямо формальной, юридической выражения княжеских договоров, в которых слабый общается объективно, держат великое княжение честно и грозно, а сильный обязуется держать слабого во "братство, без обиды", — у Карамзина превращаются в обязательства младшего "уважать", а старшего — "любить" своего контрпартнера.

Статистическую свядку событий и сактименаль-но-психологическую мотивировку не потеря-вают, однако-же литературно-художественные приемы Карамзинского изложения. Предметом исторической живописи, вопреки скудости источников, служат у Карамзина и в первой части его истории — и по-ложения, и характеры. Мы не встречаем здесь, конечно, вымышленных рыцарей à la Букиндж или Ливий.

Попытки изобразить исторический характе-ры ведут Карамзина к такому же не-осторожному пользованию источниками. Так, например, он сам отвергает позднейшее украшенное сказание о курюковской битве и принимает сказание, современное событию; и, однако-же, характеры Олега Рязанского, описанные у историо-графа самыми черными красками, — из-ображаются в духе отвернутого источника. В убийный ряд противоречий себя и несогласия вводит Карамзин изображение характера Василия Татищева. Приемлемый составляет вообще несравненно больше вы-одное впечатление, чем самый текст исто-

рин; Это объясняетъ не столько критический талантъ автора, сколько его уменство. Въ этомъ отношеніи надо оцѣб справедливостъ исторіографу: онъ усердно хлопоталъ о подборѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ, въ значительной степени обновилъ фактическое обоснованіе разсказа и надолго сдѣлавъ свою исторію необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ русской исторіи.

Намъ остается разсмотрѣть взглядъ Карамзина на общій ходъ русской исторіи.

Его взглядъ въсиль воспроизводитъ извѣстные намъ взгляды предшественниковъ. Несомнѣнно для него только одно: именно, что призванные князья были норманны. Затѣмъ, слѣдую Млецеру, а не вопреки ему, какъ утверждаютъ патріотическіе поклонники Карамзина, исторіографъ принимаетъ мнѣніе, что Русское государство возникло свободно, — призваніемъ, а не завоеваніемъ.

По мнѣнію Млецера, только послѣ возстанія Рюрика Рюриковъ явившій въ Новгородъ уже не въ качествѣ добровольно призванного князя, а въ качествѣ завоевателя, и въ это время онъ основалъ феодальную систему. И въ этомъ видѣли различіе во взглядахъ между Млецеромъ и Карамзинымъ, который, будто-бы, не признавалъ въ русской исторіи ни завоеванія, ни феодализма. Однако-же, то и другое, — и завоеваніе и феодальная система, — есть

и у Карамзина, только они дапрятаны у него в одной неясной фразе: „Рюриковъ, принявъ единовластїе, отдалъ въ управленїе знаменитымъ единоплеменникамъ своимъ, кромѣ Бѣлозера, Полоцкѣ, Ростовѣ и Муромѣ, имъ же братьями его завѣдываемые, какъ надобно думать. Такимъ образомъ... утвердилась система феодалная“ и т. д.

Принимая Мелецеровскую мысль о феодалномъ устройствѣ древнѣйшей Руси, Карамзинъ принимаетъ также и идею о томъ, что первые государи не были самодержавны. Въ его изображеніи Русь въ теченіе всей исторїи сохраняетъ характеръ единого государства. Въ изложеніи его событій удѣльнаго періода точно также изображается, какъ будто-бы на Руси было только одно великое княженіе; поэтому московскій князь оказывается иногда отвѣтствен-нымъ за событія, происходящія въ совершенно независимой отъ Москвы области.

Эта точка зрѣнія служила всема удоб-нымъ средствомъ, чтобы расположить русскую исторію въ видѣ одной линїи, на которой Москва являлась естественнымъ продолженіемъ Кіева. Возвышеніе Москвы представляется, такимъ образомъ, Карамзину, какъ нѣчто необходимое въ общемъ ходѣ русской исторїи, — такъ сказать, providentialное. Не выдвинъ татаръ Москвы, по его мнѣнію, Россія была бы раздѣлена татарами: тогда мы утратили бы и государственные бої, и веру, которая

115/11.

спасая Москву." Сохраненіе государственности и вѣры есть, стало быть, специальная заслуга Москвы; а возвышеніе Москвы — личная заслуга московских государей. Вначалѣ московскіе государи стремятся къ этой уклонке безсознательно; и пока они служатъ только орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, — историкъ — моралистъ не хочетъ оправдывать ихъ безнравственной политикой. „Судъ исторіи не извинитъ и самого счастливаго дядюшечки, — говоритъ про Ивана Калиту, — это есть человѣкъ зависящій только отъ Бога, а самодѣйствіе — это Богъ." Новѣйшій является уже сознательный исполнитель Божественнаго предначертанія, великій Иванъ III — и нравственной „судъ исторіи" — уполномоченъ. Иванъ III „принадлежитъ къ числу немногихъ государей, изъ которыхъ провидѣніемъ рѣшено надолго судьбу народовъ, онъ есть герой не только русской, но и всемирной исторіи." Вотъ, наконецъ, передъ нами философія исторіи болѣе глубокая, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ видали. И такъ, не можемъ ли мы приписать Карамзина къ историкамъ — провиденціалистамъ, вроде Россетта или Лорана? Отнюдь нѣтъ. Наведенный самый теченіемъ историческихъ событій на такую философію исторіи, чѣмъ его морально — реторическая, — Карамзинъ спѣшитъ остановиться на порогѣ, не рѣшаясь проникнуть въ святыню. „Не теряясь въ сомнительныхъ участіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлять вѣнныя намъ творенія Божества,

внимательный наблюдатель видитъ счастье-
вои и божественная эпохи въ истинныхъ
гражданского общества, какое-то соглас-
ное теченіе мірскихъ случаевъ въ единой цѣ-
ли или связь между ними для произве-
денія какого-нибудь шавнаго дѣйствія,
измѣняющаго состояніе рода человѣческа-
го." Поддерживая слова, кажется, самъ
философскій во всей исторіи государства
русскаго, но они и единственные. Сопо-
ставивъ волею Ивана III съ волею возстанов-
ленія монархіи и просвѣщенія на западъ,
Карамзинъ на это соотнесеніе и со-
наблюдается. Философскій провидѣ-
ніе нужна ему не для начертанія ка-
кой-нибудь общей схемы всемірно-ис-
торическаго развитія, не для приуроченія къ
этой схемѣ русскаго историческаго про-
цесса. Секреты провидѣнія такъ и остаются
для него секретами; но нравственное
чувство моралиста будетъ удовлетворено
мыслью о предопредѣленности совершив-
шагося, а эстетическое чувство ху-
дожника найдетъ себѣ пищу въ созер-
цаніи перспективъ неясныхъ, но заман-
чивыхъ для воображенія."

Конецъ приложенія къ
исторіи Карамзина.

Лит

Ms. 222 1905
to Museum
15917 New York

